
ОТАНДЫҚ ӘДЕБИЕТТАНУДЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

ACTUAL ISSUES OF DOMESTIC LITERARY CRITICISM

DOI 10.31489/2020Ph1/63-70

УДК 398

Д.В. Дьяков

*Инновационный Евразийский университет, Павлодар, Казахстан
(E-mail: diakovd@mail.ru)*

Специфика контаминации и хронологии фольклорного цикла

Статья посвящена изучению механизмов контаминации и хронологии генетически близких сюжетов, формирующих фольклорные циклы. Существуют различные научные толкования контаминации, подходы к дифференциации её видов. Признавая, что контаминация есть объединение сюжетов, учёные спорят о генезисе и механизмах проявления психологии творчества. На примере сказочных сюжетов о «невинно гонимых героях» автор исследует природу фольклорной контаминации, выявляет признаки творческой и механической консолидации, которая способствует проявлению эпопейности в пределах русской сказочной прозы. Опираясь на историю развития жанра, автор иллюстрирует собственную методику определения архаичности повествовательных элементов сказок о «невинно гонимых героях» и выстраивания хронологии сюжетов цикла. В связи с этим важная роль отводится анализу поэтики сказки, принципам изображения действительности, внефольклорным факторам.

Ключевые слова: контаминация, циклизация, хронология, сюжет, фольклорный цикл.

Наблюдения за развитием традиционности в пределах фольклорного цикла обнаруживает взаимовлияние составляющих его произведений. Это обусловлено тем, что исполнитель, пусть не всегда осознанно, руководствуется одним из важнейших фольклорных принципов сосуществования исполняемого произведения, способностью одних заимствовать компоненты других, т.е. контаминироваться.

С научной точки зрения явление контаминации носит проблемный характер, так как в силу различного толкования её художественной природы она не получила общепризнанных критериев дифференциации. Традиционно под контаминацией понимается соединение в одном произведении двух или нескольких самостоятельных сюжетов, необязательно используемых полностью и не претендующих на статус основных. Тот факт, что всякая контаминация есть объединение сюжетов, признан всеми. Однако спорным остаётся вопрос, может ли контаминация носить творческий характер. Так, Н.М. Ведерникова пишет: «Творческая контаминация выполняет в сказке идейную и художественную функцию. Такая сказка воспринимается как единое художественное целое, в ней ощущается стремление осмыслить рассказываемое. Одна идея объёмлет всё повествование действием» [1; 7].

В свою очередь В.П.Аникин, отрицая данное утверждение, признаёт за контаминацией только механическое свойство: «Нет контаминаций, которые бывают творческими. Где творчество, там нет места контаминации» [2; 84]. Творческий принцип, по мнению исследователя, может иметь место в тех «соединениях», которые осуществляют процесс поиска произведением своего художественного оформления. Такое, как правило, является возможным только на стадии «становления произведения». Настаивая на сугубо разрушающей природе контаминации, В.П.Аникин выделяет характерные для неё признаки: отсутствие идейно-образного единства, неслаженность в композиции и стилистическую неоднородность [2; 91].

Учитывая сказанное, проследим проявление контаминации в сказочном цикле, где объективное тяготение родственных сюжетов обусловлено не столько внутритекстовыми причинами, сколько естественной способностью интегрироваться между собой. При этом степень интеграции сюжетов цикла может быть самой разной, что приводит порой к нарушению повествовательной логики произведения. Словом, этот процесс в контексте циклообразования непредсказуем, поэтому требует специального изучения.

Не будем отрицать очевидный в большинстве случаях факт, что контаминация портит произведение. Но не станем утверждать также, что при определенных условиях контаминированная часть, сочетаясь с основным сюжетом, становится органичной и не всегда различимой. Это означает, что контаминация не исключает совместимости, причем достаточно закономерной. Художественная слаженность контаминированных сюжетов в пределах произведения, на наш взгляд, может осуществляться только при условии идейно-тематической консолидации. В этой связи Н.М.Ведерникова пишет: «Контаминированная сказка представляет собой цельное произведение, что достигается единством художественной логики и единой идейной направленностью соединяемых сюжетов» [3; 57]. При всей категоричности данного утверждения по отношению к сказочной циклизации оно может оказаться не только верным, но и распространенным. Так, из девяти сюжетов о «невинно гонимых» шесть обнаруживают стремление к объединению друг с другом. Наиболее распространенным из них является контаминация сюжетных типов АТ 511+409 («Чудесная корова» и «Девушка-рысь»). «Текст» такой сказки зафиксирован в сборниках А.Н.Афанасьева, А.М.Смирнова, И.А.Худякова, Д.К.Зеленина [4]. Содержание её сводится к следующему: девушка, оставшись сиротой, вынуждена жить со скверной мачехой. Ежедневное общение с чудесной коровой — материнским наследством — помогает падчерице оставаться сытой и здоровой. Узнав об этом, мачеха приказывает убить животное, кости которого благодарная героиня закапывает в землю. Выросшее вскоре дерево приносит плоды, способствующие удачному замужеству девушки (тип 511). В скором времени она становится матерью. Зависть не позволяет мачехе смириться с этим, поэтому она совершает злодеяние, превратив падчерицу в рысь. Каждую ночь мать-рысь тайно кормит своего малыша молоком, после чего тот становится веселым и игривым. Подобное поведение младенца вызывает у его отца подозрения. Дождавшись ночи, он узнаёт правду и снимает с жены колдовские чары. Мачеха же подвергается смертельному наказанию (тип 409).

Как видно из содержания сказки, оба сюжета использованы рассказчиком максимально полно, что делает их, по сути, равнозначными. При этом каждый рассказчик даёт сказке своё название, исходя из того, какой тип сюжета он считает основным. Следовательно, одни, отдавая предпочтение типу 511, называют сказку «Бурёнушка», другие, основываясь на типе 409, озаглавливают её «Мать-рысь», третьи подбирают нейтральное название, например, «Строева дочь». Это также свидетельствует о том, что данная сказка — результат контаминации, а не творческого поиска. Запись фиксирует два совершенно самостоятельных сюжета, которые, имея законченную форму, не нуждаются в дальнейшем усложнении. Следовательно, они объединились, говоря словами В.П.Аникина, на стадии пассивного бытования или ущерба. Однако в силу известных нам причин, позволяющих включить их в один цикл, эта ущербность не заметна вовсе. Отметим, что в данном случае контаминация ограничивается лишь усложнением одноходового произведения, не причиняя ему при этом ни «художественной порчи», ни внутреннего разрушения. С точки зрения рассказчика, имеющего в своём репертуаре множество сюжетов, такое объединение возможно по аналогии с теми сказками, которые рассказывают о жизни уже замужней женщины. Безусловно, причиной данной контаминации стал интерес к теме семейных отношений. Таких сказок, совмещающих историю семейной жизни девушки, а затем жены, в цикле «о невинно гонимых» несколько: тип 403 («Подменная жена»), тип 510В («Свиной чехол»), тип 709 («Безручка»).

Рассматриваемая нами контаминированная запись обнаруживает все признаки единого произведения: общий тип героя (гонимая падчерица), единая художественная оценка происходящего и связанная с нею тональность (осуждение семейного деспотизма), однородная стилистическая организация, логически выстроенная композиция (первый ход — жизнь до замужества, второй — жизнь после замужества). Всё это свидетельствует о том, что сюжеты одного цикла могут идеально сочетаться в силу своего генетического родства. Справедливости ради отметим, что контаминация с таким логическим оформлением — явление редкое, однако это именно тот случай, когда она, при всех оговорках, может быть названа творческой.

Сборник сказок под редакцией Н.Е.Ончукова содержит интересную, на наш взгляд, запись (№ 154), которая объединяет сразу четыре сюжета цикла о «невинно гонимых»: тип 709 + тип 510 А + тип 530 + тип 409 («Волшебное зеркальце», «Золушка», «Сивко-Бурко», «Девушка-рысь»). Рассказчиком она названа как «Елена Прекрасная и мачеха», что вполне логично, так как все сюжеты, за исключением АТ 530, основываются на конфликте мачехи и падчерицы. Вводящим и, несомненно, ведущим является сюжет типа 709 («Волшебное зеркальце»). При общем сохранении основных мотивов он претерпел определённые изменения, существенно не повлиявшие на идейный замысел. Так, отец, прежде чем жениться повторно, прячет свою дочь у сестры; мачеха узнаёт о существовании очевидной соперницы от волшебного зеркала; колдовство, способствующее временной смерти героини, снимает не потенциальный жених, а почему-то оказавшийся в лесу рыбак. Всё сказанное свидетельствует о начавшемся разложении сюжета, объединение которого с типом 510А («Золушка») происходит с момента чудесного воскрешения девушки. Однако сюжет не настолько деформировался, чтобы нарушить сложившуюся традицию и выдать падчерицу за бедного рыбака. Действие развивается так, что отец привозит дочь домой под начало коварной мачехи, которой «строго-настрога наказывает не обижать падчерицу». Как правило, жена не внемлет наказу мужа и взваливает на девушку всю домашнюю работу. Сказочник традиционно передает «гиперболический» характер бытовых поручений, данных мачехой перед отъездом на бал; участие покойной матери в трансфигурации героини, а также грандиозный успех незнакомки в царском доме. При этом упускается важный для этого сюжета мотив потерянной туфельки, что, однако, не мешают рассказчику констатировать факт свадьбы.

Очевидное разрушение сюжета сопровождается внедрением в его повествовательную структуру заимствованных из сказки «Сивко-Бурко» (тип 530) поэтических формул и эпизодов. Так, девушка, желая попасть на бал, выходит в чисто поле и свистит молодецким посвистом: «Сивко-Бурко, вещая каурка, встань передо мной, как лист перед травой» [5; 381]. Наблюдаемое в данном случае парадоксальное смещение образности характерно для контаминации. Оно приводит к тому, что падчерица начинает говорить «языком» Ивана, героя цикла о младшем брате. Выслушав разговоры восторженных сестёр по поводу покорившей всех на балу красавицы, девушка спрашивает: «Не я ли это была, сёстры?», на что те, подобно старшим братьям, отвечают: «Куда тебе!» [5; 382]. Данная сцена является константной для группы сюжетов о волшебном коне, входящей в цикл о младшем брате. Вероятно, такая контаминация стала возможной не только в силу ущербности сюжета или забывчивости рассказчика, но и в силу типичности сложившейся ситуации, когда старшие недооценивают возможности младшего. В связи с этим можно предположить, что подобная контаминация сюжетов закономерна, поскольку образы падчерицы и младшего брата генетически связаны [6].

Завершает рассматриваемую запись уже знакомый нам сюжет типа 409 («Девушка-рысь»). Предназначение его в том, чтобы рассказать о злоключениях замужней героини, пострадавшей от козней ненавистной мачехи. Как видно, логика примыкания данного сюжета абсолютно идентична той, которую мы наблюдали в предыдущем контаминированном варианте. Это объясняется общим для всех сказочных сюжетов в целом и сказочного цикла, в частности, финальным мотивом свадьбы. Соответственно, художественная логика при контаминации не нарушается, хотя сам сюжет остаётся неразборчивым, что свидетельствует о стадии ущербности. Иначе говоря, объединяющиеся сюжеты достигают фазы пассивного бытования. Однако, учитывая родство сюжетов, процесс их объединения можно назвать полноценным с точки зрения структурной логики.

Таким образом, анализ контаминированных сюжетов сказочного цикла обнаруживает непростую природу данного явления. С одной стороны, это механический процесс, с другой — творческий и консолидирующий.

Генетическая близость сюжетов цикла создаёт благоприятные условия для их объединения, т.е. творческой контаминации родственных сюжетов. Это, прежде всего, связано с идейно-тематическим принципом циклизации, который способствует сохранению повествовательной логики контаминированного произведения. Однако возможно и механическое контаминирование родственных сюжетов, которые, находясь на стадии пассивного бытования, обнаруживают, как правило, алогичность повествования.

Родственное контаминирование в пределах цикла — явление не только непредсказуемое, но и специфическое. Демонстрируя одновременно конгломерацию и консолидацию сюжетов, оно, с одной стороны, подчиняется общим законам фольклорной контаминации, с другой — обнаруживает заложенную в нём тенденцию к эпопейности, т.е. к проявлению больших эпических форм.

Перейдем к рассмотрению хронологии сюжетов сказочного цикла на примере цикла о «невинно гонимых». Образующие его сюжеты, несмотря на очевидную консолидированность, различаются своей структурной организацией, художественным замыслом, количеством версий и даже типом главного героя. Последнее можно взять за основу внутренней группировки сюжетов, поскольку общность номинального центра (т.е. главного персонажа) есть необходимое условие для формирования цикла в целом. С этой точки зрения в данном цикле обнаруживаются две группы сюжетов: первая повествует о злключениях несправедливо изгнанной из родного дома героини (сюжеты типа 403, 409, 480А, В, С, 510В, 706, 707, 709); вторая рассказывает о тяжелых буднях героини в доме скверной мачехи (сюжеты типа 510А, 511). Как видно, каждая группа обладает определенной локальной характеристикой сюжетного действия (в доме — вне дома), что отражает положенную в основу сюжета обрядовую структуру. Исходя из этого, отметим, что сюжеты, которые мы объединили в первую группу, отражают иницированную «эпоху» общества и народного творчества, а составляющие вторую — напротив, ничего общего с таковой не имеют и основываются только на свадебно-обрядовой поэтике.

Наша задача заключается в том, чтобы определить степень архаичности внутритекстовых повествовательных элементов сказок и на их основе хронологически выстроить сюжеты цикла. Надо признать, что такой процесс не только сложен, но и чреват гипотетическими выводами, поэтому предлагаем своё решение этой проблемы.

Нет никаких сомнений в том, что выделенная нами первая группа в силу своей иницированной структуры архаичнее второй. Это не требует пояснений, поскольку давно доказано, что вся волшебная сказка вышла из обряда инициации. Следовательно, произведения, утратившие связь с этим обрядом, считаются более поздними по происхождению.

Классификационным признаком первой группы, как отмечалось ранее, является вводящий мотив изгнания главной героини, общественно-родовой статус которой определяется сказкой по-разному. Изгнанной оказывается не только падчерица, но также родная дочь и жена, что служит аргументом для внутригрупповой дифференциации сюжетов. Так, подгруппа «А» объединяет сюжеты о гонимой дочери (тип 510 В) и жене (тип 403, 409, 707), подгруппа «В» — о гонимой падчерице (тип 480 А, В, С, 709). Сюжет типа 706 («Безручка») в силу некоторых причин, о которых пойдет речь далее, не может быть включен, невзирая на мотив гонимой жены, в подгруппу «А».

Согласно Е.М.Мелетинскому, сказки, в которых муж выгоняет жену, а отец — дочь, появились раньше, чем те, в которых мачеха избавляется от падчерицы [6; 162]. Это объясняется, во-первых, распадом материнского рода, и переходом к патриархату с присущей ему монополигамией, а также неограниченной властью мужа над женой, во-вторых, соперничеством женщин, принадлежащим к разным родам, но проживающих в одной семье. Причиной подобной неуживчивости часто становились дети. Неслучайно сказки о гонимых женах, отражая родовые отношения полигамной семьи, включают мотив вредительства с подменой новорожденного. Это позволяет признать группу «А» предшествующей группе «В».

В то же время единство сюжетов, входящих в одну группу, не обязательно предполагает процесс их генетического взаимодействия. При общем идейно-тематическом сходстве они могут совпадать далеко не по всем параметрам. Поэтому имеющее место мнение, будто определенный сюжет непременно оказал влияние на всю группу, не всегда оправдано. Так, Т.В. Зуева отмечает, что «центром сюжетной группы об оклеветанной жене является традиционная восточнославянская версия сказки «Чудесные дети». Она включалась при создании более поздних сказок» [7; 162]. С этим, на наш взгляд, можно согласиться только в случае, если признать, что влияние её на сюжеты типа 403 («Подменная жена») и 409 («Девушка-рысь») было минимальным. Другое дело — взаимное влияние данных сюжетов друг на друга, что совершенно очевидно. Их основная коллизия сводится к тому, как некий вредитель, будь то ведьма, Баба-Яга, мачеха, привлекая колдовские силы, превращает замужнюю героиню в животное — утку, рысь, оленуху. Это связано с древними тотемистическими представлениями, согласно которым человек мог свободно перевоплощаться в зверя. Однако сказка осложняет этот процесс вмешательством чародейства, что, по словам В.Я. Проппа, явление позднее. Поэтому, несмотря на древние тотемистические элементы сказочного повествования, мы не считаем данные сюжеты ранними в рассматриваемой подгруппе. Безусловно, они появились позже, чем сюжет «Чудесные дети», который, в отличие от сказок «Подменная жена» и «Девушка-рысь», не содержит в ранних записях мотива колдовства, а исходит из простой подмены новорожденных животными. Кроме того, в сюжете отражается наиболее ранняя (ставшая впоследствии традиционной) расстановка сказочных сил, при которой младшая сестра, оставаясь хранительницей материнского рода, под-

вергается клеветничеству со стороны старших. Таким образом, сюжет типа 707 («Чудесные дети») можно считать архаичным не только в своей группе, но и в цикле.

Происхождение сюжета 706 («Безручка») на русской почве и включение его в цикл о «невинно гонимых» представляет собой уникальный процесс, свидетельствующий о непредсказуемости сказочного циклообразования. Согласно текстологическому анализу Т.В. Зуевой, обрядовую структуру и всё, связанное с ней, восточнославянская версия произведения приобретает не в результате прямого влияния инициированной культуры на сказку, а заимствует из древнегреческой повести о царице Персике. Она, на наш взгляд, появляется в период развития второй подгруппы, характеризующейся художественным конфликтом мачехи и падчерицы. Влияние же со стороны сюжета «Чудесные дети», по словам Т.В. Зуевой, «выразилось в творческих и механических заимствованиях «Безручки» [8; 47]. Если быть более точным, то формирующийся сюжет заимствовал важнейший в идейном смысле мотив чудесного рождения сына, что определяло святое предназначение женщины в семье и обществе.

Переняв архаичную структуру, логику повествования и даже фабулу, сюжет «Безручка» не удержал волшебного сказочного интерпретации события. Так, стилистическая организация сюжета в сравнении с повестью о Персике и сказкой о чудесных детях показывает, что происходящее трактуется как бытовая интрига. Иначе говоря, сюжет обнаруживает признаки новеллистического жанра, что свидетельствует о начавшемся процессе жанровой эволюции от волшебной сказки к бытовой. В этой связи следует отметить, что ни одно другое произведение цикла не характеризуется подобными диффузивными признаками. Следовательно, русская народная сказка о Безручке появляется на завершающей стадии данного циклообразования.

Нельзя не заметить сюжетного сходства «Безручки» и «Свиного чехла» (тип 510 В), первый ход которых, за исключением эпизода изгнания, абсолютно одинаков. Изгнание сопровождается скитанием героини по лесу, пребыванием в дупле дуба, встречей с царевичем и т. д. Так, «Безручка», воссоздавая архаичную обрядовую структуру, отражает развивающуюся в обществе идею христианизации. Использование сказкой соответствующей лексики (Николай Угодник, Бог, Господь и т.п.) свидетельствуют об этом. В данном случае позднейшее возникновение сюжета способствует появлению внутри него ритуальной неоднородности, при которой второй ход в указанном смысле не продолжает первый. Другое дело — «Свиной чехол», где наблюдается полное соответствие обрядовой структуры с предметной детализацией и стилистической организацией. героиня, избегая инцеста с отцом, обращается за помощью к куклам, оставленным ей покойной матерью. Но перед этим девушка кормит их. Завернувшись в свиной чехол, она благодаря сверхъестественной помощи кукол попадает в лес. Эпизод «транспортировки» героини в лес образно отражает ранние представления человека о процессе перехода из одного мира в другой. Второй ход сказки не вступает в противоречие с первым, поскольку, изображая жизнь девушки в доме будущего мужа, она иллюстрирует вступивший в силу «закон» первенства мужчины в семье.

Вторая часть «Свиного чехла» генетически связана с сюжетом «Золушка» (тип 510А), который относится ко второй группе цикла. Составители сюжетных указателей, например, Аарне-Андреев, считают данные сюжеты версиями, из которых, судя по маркировке, «Свиной чехол» — вторая по происхождению. На наш взгляд, это не убедительно, поскольку материал диктует обратное: 1. Наличие инициировано обусловленной структурой. 2. Изображение полового неравенства в патриархальной семье (что фиксируется сказкой раньше, чем конфликт мачехи и падчерицы). 3. Появление гонимой дочери в сказке (что предшествует появлению гонимой падчерицы) — всё это свидетельства того, что сюжет типа 510 В («Свиной чехол») древнее родственного ему сюжета типа 510А («Золушка»). Последний, унаследовав от подгруппы «В», образы мачехи и падчерицы, в результате творческого поиска вписал их в сюжетную коллизию первого, отказавшись при этом от инициированной части. Этим объясняется общность некоторых мотивов для обеих сказок: мотив чудесной трансформации героини перед встречей с потенциальным женихом, мотив бытового испытания, предшествующий этой встрече, мотив потерянной туфельки, ставшей неотъемлемой частью сюжета о Золушке. На основании сказанного полагаем, что сюжет типа 510В «Свиной чехол» является переходным, демонстрирующим преемственную связь первой группы цикла со второй.

Перейдем к хронологическому анализу подгруппы «В», которая формируется вокруг образа гонимой падчерицы. Выстраивание сюжетов в данном случае следует начинать с наиболее распространенной сказки типа 480 «Морозко», имеющей три восточно-славянских версии: тип 480А «Падчерицы у Бабы-Яги», тип 480В «Падчерица, посланная за огнем», тип 480С «Девушка в колодце». Их содержание во многом однообразно и может быть сведено к следующему: падчерица, изгнанная мачехой в лес,

подвергается испытанию со стороны представителя потустороннего мира: Морозко, Баба-Яга, Голова, Старик, Медведь. Прилежно выполнив поставленную перед ней задачу, героиня щедро вознаграждается и получает право на возвращение. В.Я. Пропп, рассматривая морфологию сюжета, называет испытание его константным признаком. Пожалуй, этого достаточно для выявления древности версий одного сюжета. В трёх случаях из четырех испытание носит бытовой характер, когда девушка, как потенциальная жена, проверяется на пригодность к ведению домашнего хозяйства (версии А, В, С). По словам В.Я.Проппа, любое бытовое испытание в волшебной сказке — явление относительно позднее. Следовательно, первопричиной можно считать версию типа «Морозко», где героиня подвергается лишь вербальному испытанию: «Тепло ли тебе, девица?» — «Тепло, батюшко-Морозушко!..., тут Морозко сжался, окутал девицу шубами, одарил фатой дорогой и коробом с богатыми подарками» (Аф., 114). Учитывая, что остальные версии имеют бытовое испытание, нет смысла выяснять степень их архаичности по отношению друг к другу, тем более, что они не только максимально похожи по содержанию, но и появляются приблизительно в одно и то же время.

Сюжет «Волшебное зеркальце» (тип 709), в основе которого также обнаруживается инициированная обрядовая структура, представляет собой более сложную организацию в сравнении с предыдущим типом сказки. Испытание, оставаясь бытовым, занимает здесь, в отличие от предыдущего случая, не столь значительные позиции. Если в ранее рассмотренном сюжете испытание — это жизненно важное для героини событие, оно лишь повод, чтобы остаться в доме богатырей. По мнению Е.М.Мелетинского, это более поздняя форма подобного испытания, при котором сам процесс осуществляется без участия испытателя. Помимо этого, обращает на себя внимание и образ мачехи, которая в отличие от типа 480, обладает колдовской природой. Она осуществляет здесь не просто бытовое вредительство, но и чародейство, что, согласно законам сказочной морфологии, является поздним привнесением в сказку.

Интересным с точки зрения хронологии цикла представляется нам факт смерти героини и всё, что с ним связано. Он обнаруживает межсюжетную связь всех сказок о гонимой падчерице, а также убеждает в наиболее позднем происхождении в этой группе сюжета о волшебном зеркальце. Как следует из содержания, умершую героиню кладут в гроб и помещают на ветвях дуба. По мнению В.Я. Проппа, гроб — «позднейшее» явление в сказке [9; 126]. Более того, девушка в дупле (тип 510В) и девушка в гробу (тип 709) абсолютно идентичны с точки зрения фольклорной семантики. В этой связи надо полагать, что второе есть новая форма первого. Подобная метаморфоза наблюдается в результате сопоставления «Волшебного зеркальца» с «Подменной женой» и «Девушкой-рюсью». Как утверждает В.Я. Пропп, превращение девушки в животное и обратно в человека (тип 403, 409) есть более поздняя форма помещения её в гроб с последующим извлечением её оттуда (тип 709). Таким образом, подтверждается наше предположение о том, что сюжет типа 709 «Волшебное зеркальце» является поздним не только в подгруппе «В», но и во всей группе о гонимой падчерице.

Разберемся с сюжетом типа 511 «Чудесная корова». Он, как и «Золушка», не имеет никакой связи с обрядом инициации, поэтому отнесён нами во вторую, более позднюю, группу цикла. Подобное решение представляется нам верным, несмотря на то, что данный сюжет, отражающий связь человека с чудесными животными, образовался на основе ранних языческих представлений о тотеме. Однако следует помнить, что тотемистическая традиция в сказке сохранялась не только в период матриархата. Это объясняется своеобразной «ностальгией» по минувшим общественным отношениям. Более того, данный случай показывает, что при определении хронологии не всегда можно исходить только из внешних факторов сказочного содержания. Здесь налицо иная плоскость изображения падчерицы и связанной с ней проблемы семейного деспотизма. С развитием цикла эволюционирует художественное сознание, которое, в силу длительной актуальности темы, подвергает проблему стереотипизации. В результате — очередной сюжет, будучи звеном в цикле, перенимает накопленный опыт интерпретации образов. Это позволяет художественному сознанию не связывать напрямую образ с причинами, породившими его, а в силу стереотипа эстетически идеализировать. В этой связи Е.М.Мелетинский отмечает, что сказка на стороне падчерицы не потому, что она добрая или хорошая, а потому, что она жертва тирании. Однако, подчеркивает исследователь, «постепенно в сказку вносится нравственная оценка: падчерица изображается скромной, трудолюбивой и т.д.» [6; 186]. Кстати сказать, в «Золушке» процесс эстетизации прогрессирует, поэтому образ создается на основе чистой эстетики «низкого героя».

Веским аргументом, на наш взгляд, в пользу позднего происхождения второй группы сказок и «Чудесной коровы», в частности, является отсутствие в структуре сюжетов мотива отправки героя

в путь. Как известно, данный мотив характерен для древней формы сказки. Поэтому сюжеты, построенные иначе, — более позднего происхождения [10]. На основании всего сказанного хронологически выстроим сюжеты цикла о «невинно гонимых», состоящего из 9 родственных сюжетов. «Материнскую группу» цикла составляют 7 сюжетов о гонимой героине, из которых 4 входят в подгруппу «А» (о гонимой жене) и 3 — в подгруппу «В» (о гонимой падчерице). Как видно, в основу групповой классификации цикла положен тип номинативного субъекта, т.е. тип главного персонажа сказки.

Наиболее ранним в подгруппе «А» является сюжет типа 707 «Чудесные дети», оказавший незначительное влияние на относительно поздние сюжеты типа 403 «Подменная жена» и 409 «Девушка-рысь». Подгруппа «В», формируясь на конфликте «мачеха-падчерица», представляет собой сравнительно позднее образование. Сюжет типа 408 «Морозко» и примыкающие к нему версии (408А «Падчерица у Бабы-Яги», 408В «Падчерица, посланная за огнем», 480С «Девушка в колодце») появляются раньше сюжетного типа 709 «Волшебное зеркальце», заключающего поздние художественные формы осмысления обряда инициации.

Вторая группа цикла, переняв у подгруппы «В» коллизию мачехи и падчерицы, отказывается от иницированной структуры (в том числе и от мотива отправки героя в путь) и интерпретирует проблему в контексте эстетических принципов. Считаем, что поздним сюжетом группы является тип 510А «Золушка», который, в отличие от «Чудесной коровы» (тип 511), не обнаруживает архаичных элементов, будь то тотемизм или свадебно-обрядовая символика.

Переходным сюжетом цикла можно признать тип 510В «Свиной чехол». Имея ранние корни и относясь к первой группе, он оказывает влияние на формирование сюжета о Золушке, который заимствует композицию второго хода сказки о свином чехле. Усвоив таким образом коллизию мачехи и падчерицы, новый сюжет сохраняет основные мотивы старого — встречу на балу, потерю туфельки, бытовое и предбрачное испытание.

Сюжет «Безручка» (тип 709) возникает на завершающей стадии данного циклообразования, фиксирует начавшийся процесс жанровой диффузии. Об этом свидетельствует стилистическая организация сказки, характерная для новеллистического жанра. Другими словами, «создателя» «Безручки» привлекает не фантастическая красочность, а фабульная занимательность, что является признаком новеллизации сюжета.

Список литературы

- 1 Ведерникова Н.М. Контаминация русской волшебной сказки / Н.М. Ведерникова // Филологические науки. — 1968. — № 2. — С. 7–15.
- 2 Аникин В.П. Теория фольклора / В.П. Аникин. — М.: Изд-во МГУ, 2000 — 408 с.
- 3 Ведерникова Н.М. Сюжет и мотив в волшебной сказке / Н.М. Ведерникова // Филологические науки. — 1970. — № 2. — С. 57–65.
- 4 Афанасьев А.Н. Народные русские сказки / А.Н. Афанасьев. — Т. 1. — М.: Наука, 1985. — С. 122; Зеленин Д.К. Велико-русские сказки Пермской губернии / Д.К. Зеленин. — Пг., 1915. — С. 64; Смирнов А.М. Сборник великорусских сказок / А.М. Смирнов. — Пг., 1917. — С. 215; Худяков И.А. Великорусские сказки / И.А. Худяков. — М., 1860–1862. — С. 71.
- 5 Ончуков Н.Е. Северные сказки / Н.Е. Ончуков. — СПб., 1908. — 643 с.
- 6 Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа / Е.М. Мелетинский. — М.: Изд-во вост. лит., 1998. — 240 с.
- 7 Зуева Т.В. Волшебная сказка / Т.В. Зуева. — М.: Прометей, 1993. — 237 с.
- 8 Зуева Т.В. Образы и структурные типы волшебной сказки «Чудесные дети» в традиционной версии восточных славян / Т.В. Зуева // Проблемы изучения русского устного народного творчества. — Вып. 4. — М., 1977. — С. 3–26.
- 9 Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. — Л.: Изд-во ЛГУ, 2009. — 274 с.
- 10 Пропп В.Я. Фольклор и действительность / В.Я. Пропп. — М.: Наука, 1999. — С. 83–116.

Д.В. Дьяков

Фольклор циклінің кірігуі және уақыттық межелену ерекшеліктері

Мақала фольклор цикліне енетін шығу тегі жақын сюжеттердің кірігуі (контаминация) және уақыттық межелену (хронология) тәсілдерін зерттеуге арналған. «Жазықсыз кудаланған қаһарман» туралы ертегілер сюжеті мысалында автор фольклорлық кірігуі табиғатын қарастырып, орыс ертегілік прозасында эпопеялықтың көрінуіне ықпал ететін шығармашылық және механикалық бірігу

белгілерін анықтайды. Жанрдың даму тарихына сүйене отырып, автор «жазықсыз қудаланған қаһарман» туралы ертегілердегі баяндау элементтерінің көнелігін және цикл сюжеттерінің уақыттық межеленуін анықтау жөніндегі өзінің тәл әдістемесін көрсеткен.

Кілт сөздер: контаминация (кірігу), циклділік, хронология (уақыттық межелеу), сюжет, фольклорлық цикл.

D.V. Dyakov

The specifics of contamination and chronology of the folklore cycle

The article is devoted to the study of the mechanisms of contamination and the chronology of genetically close plots that form folklore cycles. There are various scientific interpretations of contamination and approaches to differentiation of its types. Recognizing that contamination is an Association of stories, scientists argue about the Genesis and mechanisms, the manifestation of the psychology of creativity. On the example of fairy-tale stories about «innocently persecuted heroes», the author explores the nature of folkloric contamination, reveals signs of creative and mechanical consolidation, it contributes to the manifestation of epicism within the Russian fairy tale. Using the history of the development of the genre, the author illustrates his methodology for determining the archaic nature of the narrative elements of fairy tales about «innocently persecuted heroes» and for building a chronology of the plots of the cycle. In this regard, an important role is given to the analysis of the poetics of the fairy tale, the principles of the image of reality, and extra-folklore factors.

Keywords: contamination, cyclization, chronology, plot, folklore cycle.

References

- 1 Vedernikova, N.M. (1968). Kontaminatsiia russkoi volshebnoi skazki [Contamination of a Russian fairy tale]. *Filologicheskie nauki — Philological sciences*, 2, 7–15 [in Russian].
- 2 Anikin, V.P. (2000). *Teoriia folklor* [Theory of folklore]. Moscow: Izdatelstvo MHU [in Russian].
- 3 Vedernikova, N.M. (1970). Siuzhet i motiv v volshebnoi skazke [The plot and motive of a fairy tale]. *Filologicheskiye nauki — Philological sciences*, 2, 57–67 [in Russian].
- 4 Afanasiev, A.N. (1985). *Narodnye russkie skazki* [Folk Russian fairy tales]. Moscow: Nauka [in Russian]; Zelenin, D.K. (1917). *Velikorusskie skazki Permskoi gubernii* [Great Russian fairy tales of the Perm province]. Peterburg [in Russian]; Smirnov, A.M. (1917). *Sbornik velikorusskikh skazok* [Collection of Great Russian Tales]. Peterburg [in Russia]; Khudyakov, I.A. (1860). *Velikorusskie skazki* [Great Russian fairy tales]. Moscow [in Russian].
- 5 Onchukov, N.E. (1908). *Severnye skazki* [Northern tales]. Saint-Peterburg [in Russian].
- 6 Meletinskii, E.M. (1998). *Heroi volshebnoi skazki* [Heroes of a fairy tale]. Moscow: Izdatelstvo vostochnykh literatur [in Russian].
- 7 Zueva, T.V. (1993). *Volshebnaia skazka* [Fairy tale]. Moscow: Prometei [in Russian].
- 8 Zueva, T.V. (1977). Obrazy i strukturnye tipy volshebnoi skazki «Chudesnye deti» v traditsionnoi versii vostochnykh slavian [The images and structural types of the fairy tale «Wonderful Children» in the traditional version of the Eastern Slavs]. *Problemy izucheniiia russkogo narodnogo tvorchestva — Problems of studying Russian folk art*, 4, 3–26 [in Russian].
- 9 Propp, V.Y. (2009). *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical roots of a fairy tale]. Moscow: Izdstelstvo MHU [in Russian].
- 10 Propp, V.Ya. (1999). *Folklor i deistvitelnost* [Folklore and reality]. Moscow: Nauka [in Russian].